

JAN 26 1930

НОВОЕ РУССКОЕ СЛОВО

"НОВОЕ РУССКОЕ СЛОВО" 178-2nd Ave. New York

КА.

Н

О СТАР
КАЗАНИ
АНОЖЕС

Цен

NOVO

78 Second

«РЕВИЗОР» В ПОЛЬСКОМ ТЕАТРЕ

Гениальное произведение Гоголя впервые ставится на польской сцене. Несколько лет тому назад «Ревизора» ставил варшавский театр им. Богуславского. Но такая влекущая сила гения, что повторение постановок его пьесы не отражается на интересе к спектаклю. Новая постановка «Ревизора» в Варшавском Польском Театре, управляемом умелой рукой Арнольда Шифмана, привлекла на первое представление цвет варшавского общества. Министр иностранных дел г. Залесский занимал одну из ложек бель-этажа. Польская литература, поэзия и печать были представлены многочисленными видными писателями, поэтами и журналистами. Такой состав публики придавал зрительному заданию необычный, праздничный вид и действительно премьера «Ревизора» была одновременным праздником русского гения и польского искусства.

Режиссер Боровский и художник г. Фрыч сделали всё для того, чтобы придать спектаклю возможно больший блеск. В постановке этого блеска было даже слишком много. Стремление к декоративности в обстановке придавало скромной провинциальной квартире городничего не свойственный ей по замыслу Гоголя богатый, столичный характер. Отдельные недостатки и ошибки были и в некоторых мелочах костюма и быта, изображенных на сцене. Но, вероятно, это мелочи доступны были лишь пониманию русского зрителя. К тому же они не переходили в «блюкву» или карикатуру, которая при постановке Гоголя на иностранной сцене открывает такой широкий путь для облазна. Тройка белых коней, запряженных в бричку, с дутой над юреником, появившаяся на сцене в конце четвертого действия, привело в восторг переполнившую театр публику...

Перевод сделан был для польского театра Юлианом Тувимом, известным польским поэтом, имеющим репутацию ценителя и знатока русской литературы. Тем более досадными надо признать ошибки и искажения, допущенные в переводе. Вероятно, они объяснялись желанием сделать текст более допустимым пониманию польского слушателя, но в отдельных случаях переводчик, вероятно, не проявил достаточного знания русского быта эпохи Николаевской эпохи и поэтому слыш-

ном «вольно» обошелся с классическими словами Гоголя. Другим недостатком перевода, сделанного Тувимом, является внесение польских оборотов речи в обращении действующих лиц друг к другу. При сохранении русской формы обращения с именем и отчеством, в значительной части текста режут слух не русские формы обращения в других местах того-же текста, когда, например, к городничему обращаются со словами: «Пане Онтосю!» или Добчинский называет Бобчинского «Пане Петрусю!» Само собой разумеется, что на польской сцене эти формы имеют полное право гражданства, но переводчик должен был либо применить их во всем тексте, либо выдержать русские формы в течение всего спектакля.

Говоря об игре отдельных исполнителей, необходимо признать, что Мариуш Шаплевский, исполнивший роль Хлестакова, вынес спектакль на своих плечах. Такому Хлестакову мог бы позавидовать любой русский актер. Без утрировки, без карикатуры достиг он выражения всех оттенков настроения и бахвальства, смеяющихся в душе Хлестакова. Его партнер по роли городничего Богуслав Самборский, не справился со своей задачей в той же мере. Превосходный в мимике и жестках, в спокойных и трагических минуты своей роли, он впал в излишнюю карикатурность и спешку в минуты комических. Отчасти это можно объяснить тем, что роль город-

ничего для современного артиста, к тому же иностранца, должна быть значительно труднее роли Хлестакова, но во всяком случае невозможно простить Самборскому той скороговорки, в которую он местами превращал свою речь. Противореча прямому указанию Гоголя и характеру городничего, эта скороговорка препятствовала пониманию отдельных фраз даже для слушателей, хорошо знающих текст Гоголя. Что же говорить о тех, кто видел «Ревизора» впервые...

Остальные исполнители были на уровне хороших, но не лучших постановок Польского Театра. Как русский быт и характер знакомы хорошо полякам, но бразить их не так просто. Тем более значительной является заслуга Польского театра перед русским искусством и перед той польской публикой, которую театр этот систематически знакомит с произведениями русских писателей.

В заключение о самом «Ревизоре». Постановка этой комедии в Польском Театре еще раз показала изображенного Гоголем пороков, недостатков и страстей. Публика забывала о том, что смотрит пьесу из русской жизни, видела вечные черты человеческой души, оправленные в раму русского быта, апплодировала и смеялась при отдельных фразах, которые принимались ею, как намек на обстоятельства современной жизни. В этих аплодисментах и смехе было доказательство необычайной проникновенности, с которой Гоголь вскрыл в этом произведении тайники человеческих чувств.

В. Сергеев.